

СКРУТ

Пролог

Травы больше не было. Была измочаленная, мягкая, влажная подстилка, но девочка предпочла бы сплошной ковер из крапивы. У нее на босых пятках — чужая кровь...

Злобный человек в железной одежде хотел остановить их, но ее провожатый что-то негромко сказал — и человек отступил с поклоном.

— ...Не испугаешься?

Много-много черных птиц. Отрешенно бродят женщины; провожатый сказал, что каждая из них заплатила злому железному человеку золотую монету. Но женщин мало, потому что те, кто бился здесь, пришли издалека... Их женщины еще думают, что они живы...

— Не смотри, — сказал провожатый. — Я буду смотреть... А ты закрой глаза.

Она закрыла — но так было страшнее. Тогда она стала смотреть вверх — на солнце, по-прежнему тусклое и круглое, как та монета, которую надо заплатить за право ходить среди мертвых...

— Никогда не думал, что буду когда-нибудь искать на поле боя — куклу... Нету ее, малышка. Пойдем.

Девочка молчала. Если бы не он, не ее спаситель — она лежала бы тут тоже. Растоптанная, лежала бы среди этого страха, среди этих перекошенных криком ртов, среди обнаженного мяса, над которым тучей выются зеленые мухи. А вороны — те отлетают, ненадолго, неохотно...

Ветер донес запах костра — не веселый и сытный запах, а тошнотворный, отвратительный, страшный. Я знаю, *для чего* этот костер, подумала девочка, и ей сделалось дурно.

— ...Дурак я, что тебя послушал. Нельзя тебе тут... И не найдем. Тут человека невозможно найти, не то что... Давай я тебя на плечи возьму...

Девочка молчала.

Кукла Аниса лежала там, где должна была бы лежать сама девочка — прямо посреди поля. Рядом торчал воткнутый в землю меч; девочка отшатнулась. Аниса с ног до головы была черной, кровь пропитала ее насквозь, да так и запеклась. Нарисованное углем лицо стерлось, будто вороны не пощадили и куклу.

— Она мертвая, — сказала девочка, и это были первые ее слова за много часов. — Она тоже мертвая, тоже...

Провожатый сдавил ее руку:

— Да. Но мы живы, малышка. И будем жить долго.

Глава 1

Вот и доверяй после этого плохим приметам. Солнце еще не успело нырнуть за кромку леса — а они уже стояли перед Алтарем, и по молчанию Илазы Игар догадался о множестве вещей. Он понял в том числе, что спутница его, оказывается, никогда не верила до конца в успех их предприятия; тем не менее вот они стоят перед Алтарем, и их Право щедро оплачено пережитым страхом.

Да, господа хорошие, не всем удастся достичь заветной цели — и это справедливо. Не будь леса и связанной с ним тайны, не будь этих кровавых и мерзких легенд — и любой дурак являлся бы к святому камню вовсе без уважительной на то надобности: поглазеть, в речку плюнуть, рыбку выудить...

Игар криво усмехнулся. Когда-то, говорят, так и было — пока Алтарь не взбунтовался и не призвал людей к порядку. Теперь сюда приходят только те, кому иначе никак нельзя, для кого это последний шанс... Впрочем, из этих, отчаянных, тоже доходят не все.

Река оказалась широкой и мелкой, Илазе по колено. На дне смутно белели мелкие камушки — а царь-камень, Алтарь, лежал прямо посреди потока и с первого взгляда напомнил Игару огромный непрожаренный блин, бледный такой, неумехой выпеченный; он тихонько хмыкнул. Илаза глянула недоуменно и сердито: что смешного, мол? Алтарь!

Игар сделал серьезное лицо — но нервный смех шел изнутри, раздирая рот к ушам.

— Прости, — выдавил он, пытаясь руками сдержать непослушные губы. — Это... Оно само...

В следующую секунду он уже валялся на траве, сотрясаясь от нервного хохота, а Илаза стояла над ним, плотно сжав рот, и красноречивее всяких слов были ее гневно сверкающие глаза.

Солнце село. Светлого времени осталось всего ничего — и потому приходилось спешить.

От ледяной воды заломило ноги. Не обменявшись ни словом, оба выбрались на плоскую спину священного камня и, не сговариваясь, оглянулись.

Лес подступал к самому берегу. Лес пропустил их и теперь молча ждал диковинного действия; под ревнивым взглядом Илазы юноша вытащил из своего ранца тонкую восковую свечку, пчелиные соты, перепачкавшие медом покрывавшую их тряпицу, короткий кривой ножик с полукруглым лезвием и глиняную фигурку, изображающую быка. Текст подходящих слов записан был на смятой бумажке — Игар не надеялся на свою память, которую даже Отец-Научатель считал «дырявой».

— Великий Алтарь, прими нашу жертву... Освяти наш союз, ибо люди не желают освятить его. Помыслы наши чисты, и нет между нами ни лжи, ни власти, ни денег; клянемся принять твое благословение и сочетаться браком до самой смерти...

Игар говорил неторопливо и веско, как и положено ритуалом, — но происходящее казалось ему репетицией или сном, он никак не мог взять в толк, что вот оно, пережитое много раз, вымечтанное и выстраданное, свершается, но как-то слишком просто, быстро и буднично.

— ...а если один из нас умрет раньше, то другой останется в целомудренном одиночестве. Услышь нас, мы приготовили тебе жертву!

Илаза, молча стоявшая за его спиной, поймала его ладонь, и он почувствовал, что ее рука мелко дрожит.

Полоснуть себя острым лезвием оказалось непросто — Игар всегда боялся крови и боли. Но разрезать палец Илазе оказалось еще сложнее. В конце концов она сама взяла из его рук кривой полумесяц-ножик, и ее кровь закапала вслед за кровью Игара — прямо в медовые соты. Глиняный бык неотрывно смотрел на огонь свечи; морду его Игар вымазал медом с примесью крови, а Илаза умастила мужское достоинство быка, любовно изваянное скульптором.

Это еще не жертва. Глиняный бык — всего лишь свидетель.

Небо над их головами медленно гасло; от воды тянуло холодом — но камень казался теплым, все теплее и теплее, свечка трещала и дергала язычком пламени; Игар тоже содрогался. Ему очень хотелось поймать в сумерках плечи Илазы, обнять, защитить и защититься самому — но он знал, что сейчас они не должны касаться друг друга. Ни за что.

Наступила ночь. Свечка прогорела наполовину; над непроницаемо черными кронами близкого леса показался узкий серпик месяца — будто кто-то зашвырнул на небо ритуальный нож. Игар встал.

...Союз, скрепленный на Алтаре, незыблем. Через несколько часов все женщины мира умрут для Игара, на всем свете останется только Илаза. На всю жизнь. Случись с ней внезапная и безжалостная гибель — Игар не освободится от присяги, он будет вечно одинок, верен мертвой жене...

На мгновение ему сделалось холодно и страшно. Позор — он готов был отступить; одним неловким движением его невеста выдала такую же недостойную слабость. Поймав ее испуганный взгляд, Игар догадался, что и она стыдится и тоже хочет колебание скрыть; странное дело, но испуг Илазы помог ему справиться с собственной нерешительностью. Он даже смог ободряюще улыбнуться.

Еще минуту они стояли в темноте, слушая дыхание друг друга, избегая смотреть в глаза. Мысли Игара ме-

тались: но он ведь не может жить без Илазы, это так естественно, это не принуждение, а лишь исполнение предначертанного...

Потом Илаза тоже взяла себя в руки. Улыбнулась счастливо и в то же время напряженно:

— Пора...

Игар проглотил комок:

— Когда... догорит свечка.

Они повернулись друг к другу спинами и шагнули в поток по разные стороны камня. Чтобы оказаться на разных берегах, но не выпустить из виду огонек свечи.

Ледяная вода обжигала ноги, но Игар не чувствовал. Одежда казалась сплошным липким пластырем; он выбрался на берег, стянул с себя все до нитки и на кучу тряпок бросил храмовый знак на цепочке — Алтарь не терпит чужих амулетов. Ему по-прежнему казалось, что это либо сон, либо происходит с кем-то другим — слишком нереально, слишком просто, буднично...

...Алтарь заключает браки, которых никогда не благословили бы люди. Алтарь связывает навек — и тогда людям некуда деваться, они проклинаят все и вся, но если королева сочетается на Алтаре с подпаском, то либо ей до смерти жить в хлеву, либо пастушок станет властелином. Только так. Они выбрали.

Жертвой камню служит кровь, проливаемая девственницей во время первой брачной ночи. Игар не знал точно, должен ли быть и жених невинным тоже — раньше ему не составляло труда уверить себя, что эта тонкость камню безразлична. Теперь же, стоя голышом на берегу ночной речки и до боли в глазах всматриваясь в мерцающий огонек, он в ужасе вспомнил ту рыженькую девчонку, которой он сначала заморочил голову беззастенчивым хвастовством, а потом было поздно отступить, а потом она вдоволь насмеялась над его робостью, а потом Отец-Дознатель, самый страшный на ските человек, наложил такое тяжелое искупление, что у Игара целый месяц глаза лезли на лоб от непосильной работы и ежедневного наказания...

Свечка мигнула и погасла. Содрогаясь, Игар шагнул в воду — что бы там ни было, отступить поздно...

Хотя разве такие мысли уместны сейчас, за минуту до...

...но в этот момент из темноты навстречу ему выступила нагая Илаза, и неподобающие мысли пропали. И всякие мысли пропали. Вовсе.

Надо полагать, лес видывал и не такое. Лес не первую сотню лет стоял над лентой реки, над Алтарем в ее водах — и год за годом храбрые парочки являлись сюда, презрев опасность, и взбирались на брачное ложе из белого камня. Лес видел в темноте, и лес глядел бесстрастно.

Два нагих тела исполняли ритуальный танец. В какой-то момент решительность изменила девушке, и она попыталась вырваться, столкнуть с себя избранника, напряженного, как струна; за века своей жизни лес видывал в том числе девственниц, покидающих Алтарь раньше времени и в панике удирающих на берег. Юноша бормотал что-то успокаивающе-невнятное — слова его терялись за шумом реки, и лес видел капельки пота, выступившие на гибкой узкой спине; случались здесь и беспомощные женихи, униженно умоляющие невест о снисходительности. Нынешние двое оказались ничем не примечательной парой — успокоив девушку, парень возобновил свои ласки, и дыхание его становилось с каждой секундой все глубже и тяжелее. Девственница же не знала, счастье она испытывает или страдание, — однако покорилась неизбежному и не пыталась больше отсрочить жертвоприношение.

В небе висели звезды, желтые и крупные, как яблоки. Над рекой стелились ароматы ядовитых ночных цветов; темные ветки простирались высоко над водой, и если бы серпик месяца обернулся полнотелой луной, то среди светлых камней на речном дне обнаружили бы темные спины форелей. Юноша застонал сквозь плотно сжатые зубы, девушка забилась от боли, сдерживая крик; по черным кронам прошелся ветер, и в голосе веток слышалось одобрение.

Две звезды, чуть менее яркие и чуть более желтые, непонятным образом очутились на берегу, среди стволов. Обладатель круглых равнодушных глаз смотрел, как вода в реке поднимается, перехлестывает через Алтарь, смывая кровь девственницы, — жертва принята... Через мгновение камень вновь поднимется над водой, захлебывающиеся новобрачные снова окажутся на суше, и руки, судорожно вцепившиеся в тело другого, понемногу расслабятся, и эти двое впервые осознают, что таинство свершилось...

Круглые глаза мигнули, и равнодушное выражение оставило их — всего на долю секунды.

...Шли медленно — через каждые десять шагов приходилось валиться в траву и целоваться до умопомрачения, до онемения воспаленных искусанных губ. Игару страстно хотелось бесконечно повторять то, что случилось ночью на камне, — но он сдерживал себя, понимая, что Илазе необходим отдых.

Илаза похожа была на человека, сбросившего гору с плеч, — просветленная, она то подминала под себя высокую траву с синими россыпями цветов, то набрасывалась на Игара с ласками, то, откинув голову, сама подставляла под ласки пьяное от счастья лицо. Тогда он с наслаждением вдыхал ее запах, запах кожи и нежного пота, речной воды и тонких духов — потому что среди самых необходимых пожитков Илаза прихватила из дому крохотную скляночку, подарок искусного парфюмера. Они возились в траве, как веселые щенки; обратная дорога была сплошь залита солнцем, а предстоящая долгая жизнь казалась всего лишь продолжением этой солнечной дороги, и потому оба ленились размышлять о будущем. Все решится само собой, думал Игар, запуская руку в путаницу из травы и Илазиных волос. Там будет видно...

Хвалясь перед молодой женой и ища применения собственным буйным силам, он прямо по дороге продемонстрировал Илазе несколько прыжков Отца-Раз-

бивателя — «высоких» и «низких», боевых и тренировочных. Никогда в стенах Гнезда ему не удавалось добиться такой легкости и плавности, какие сами собой пришли к нему среди залитого солнцем леса; он жалел, что с ним нет никакого снаряжения — хотя бы легкового ученического «когтя», не говоря уже о замечательных, ни разу Игаром не надеванных «крыльях»... Илаза смеялась, охала и ахала, и он видел, что она не притворяется, а действительно восхищена; в который раз обнимая ее, он подумал, что окажись Илаза на месте Отца-Разбивателя в Гнезде — и из послушника Игара вышел бы первоклассный боец, а не слабенький, постоянно ошибающийся вечный ученик...

В полдень они долго пировали, разложив на старом пне последние припасы и то и дело соприкасаясь ладонями. Кромсая сухой хлеб, Игар думал о тонких, пропитанных вином пирожных, а белые зубы Илазы жевали, а вожделенные губы двигались им в такт, и острый язычок слизывал прилипшие крошки столь волнующим движением, что Игар забывал о голоде; поймав его взгляд, Илаза улыбалась своей хмельной улыбкой — и крошки с ее губ тут же оказывались во рту у Игара, а недоеденный кусок хлеба падал в траву...

Игару казалось, что он телом ощущает нить, связавшую их навечно. Теперь они стали одним существом, и Илаза живет в нем, как дитя живет в утробе матери. И он тоже совершенно пьян, а ведь уже много дней во рту его не было ни капли вина...

А потом они устали.

Держась за руки, они медленно брели сквозь лес, припрятавший до времени свои ловушки и тайны. Солнце, сопровождавшее их весь день, опускалось за стволы. Трава под ногами поредела, под ней обнаружился песок, в котором утопали и без того натруженные ноги; длинный овраг, на который они ожидали наткнуться гораздо позже, оказался в этом месте слишком глубоким, чтобы через него перебираться. Молодожены двинулись вдоль